

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ

В.Е.Флинт

Никогда и нигде так не раскрывается душа человека, не расцветает его внутренняя сущность и красота, как при общении с природой. Человек, равнодушный к смене времен года, первым цветам, прилету скворцов и жаворонков, первым золотым листьям и первому снегу, человек, которого не волнуют первые проталины на полях и ледоход на реке, — такой человек сух, эгоистичен, духовно почти мертв.

Кирилл Павлович Флоренский не мыслил жизни без постоянного тесного общения с природой. Многие способствовало возникновению этого чувства — жизнь в провинциальном Загорске, где лес начинался буквально от крайних домов городка, и дружба с замечательным знатоком животных профессором С.И.Огневым, чтение книг о природе и круг друзей-единомышленников. Но внутренние истоки его лежат глубже, в непреодолимой потребности единения с природой, растворения в ней, в интуитивном стремлении раствориться во всем том, что окружает человека за пределами обыденного мира. Кирилл Павлович не просто любил природу, он жил ею, поэтому впоследствии, уже будучи городским человеком, он постоянно был в курсе всех природных явлений, был органически сопричастен им. Он в любой момент мог рассказать о том, что делается в лесу, на болоте, у реки, какого цвета небо, какие прилетели птицы, какие цветы распускаются. Такое понимание не почерпывается только из книг, не приобретается только опытом — оно рождается из чувства сопереживания, совершенно особого внутреннего видения единства природы и человека. Ибо душой Кирилл Павлович постоянно был в лесу, у глухой речки, на моховых болотах.

Одной из самых сильных и властных привязанностей Кирилла Павловича была ружейная охота. Он был настоящим охотником, но видел в ней не самоцель, а прежде всего средство наиболее полного общения с природой. Он любил все, что связано с охотой, кроме одного — богатой добычи. Вместе с тем

Кириллу Павловичу были дороги все охотничьи традиции, он прекрасно чувствовал всю поэтичность и загадочность этого древнейшего человеческого увлечения. Кирилл Павлович был, если можно так выразиться, на редкость бескорыстным охотником, жадность была абсолютно чужда ему. Как, впрочем, и зависть к чужому успеху.

Среди всех видов охоты Кирилл Павлович больше всего любил весеннюю охоту на глухариных токах и был великолепным ее знатоком. В незнакомой местности, за каких-нибудь два-три дня он безошибочно находил глухариные тока, которые были неизвестны даже местным жителям-охотникам. Кирилл Павлович обладал каким-то особым чутьем, безошибочно подсказывавшим ему, где искать глухарей. Конечно, многолетний опыт сказывался здесь, но главным все-таки было это особое внимание и чутье. Бывало не раз так, что Кирилл Павлович останавливался вдруг среди леса и говорил: «Если бы я был глухарем, я токовал бы здесь!» И никогда не ошибался. Разве это не чутье?

Для меня поездки с Кириллом Павловичем на весеннюю охоту всегда были настоящим праздником. Задолго, еще зимой, мы составляли и обсуждали планы будущей поездки, и это обсуждение было как бы духовной подготовкой к встрече весной. Каждая поездка была удивительно индивидуальна, не похожа на другие, каждая приносила что-то новое, что-то незабываемое — и в этом несомненная заслуга Кирилла Павловича, который был подлинно душой каждого весеннего похода.

Бывать в лесу с Кириллом Павловичем доставляло истинную радость. Общение с ним было настоящей школой познания природы. Он прекрасно знал центральные области Европейской России, мог безошибочно определить каждый встреченный цветок или услышанный птичий голос, много, бесконечно много рассказать интересного о каждом лесном обитателе. Вместе с тем поездки с Кириллом Павловичем были особой школой познания философского отношения к природе, школой бережного отношения к каждому проявлению жизни. Для него было невозможно бесцельно сломать ветку дерева, выстрелить

из любопытства в пролетающую птицу, он свято соблюдал все неписанные охотничьи законы. Сейчас это постепенно и очень туго становится нормой отношения к природе, а в то время казалось несколько наивным.

Охотником Кирилл Павлович был очень своеобразным. Он никогда не останавливался у официальных егерей в хозяйствах и избегал деревень. Чем безлюднее и глуше место, тем лучше. Мягкая постель из елового лапника, легкий тент и капитальный костер, горящий всю долгую весеннюю ночь, — так выглядел охотничий лагерь. В лесу Кирилл Павлович не выносил посторонних звуков, и своих компаньонов приучал говорить тихо, почти шепотом. Его пребывание в лесу было так же естественно и органично, как появление лося или глухаря.

Именно в лесу, на охоте, особенно ярко проявлялись лучшие духовные качества Кирилла Павловича — вдумчивость, богатство внутренней жизни, удивительная скромность, мягкость в отношении к людям. Часами он мог углубленно смотреть в огонь, погруженный в свои мысли. — О чем? Может быть, он путешествовал в прошлое, может быть, видел будущее. Он был истинным мыслителем, и ночной костер под темным пологом ветвей говорил ему значительно больше, чем большинству ординарных людей.